

ЕВГЕНИЙ МЕРКУЛОВ

Казачьи Покрова

ИЗБРАННОЕ

Евгений Меркулов

Казачьи Покрова. Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28721376

ISBN 9785449021571

Аннотация

В сборник «Казачьи Покрова» включены избранные стихи по казачьей тематике. Легенды, стихи, песни, байки, предания, анекдоты... Какие-то сюжеты я нашёл в книгах, что-то в Интернете, что-то прислали друзья и знакомые. Есть, конечно, и плоды моих собственных раздумий. На многие тексты уже написаны песни, которые можно послушать на моём сайте. Приятного прочтения!

Содержание

Сказки, легенды, предания	6
Завет Коляды или откуда пошли казаки?	6
Легенда о Белом Олене	9
Казак и Судьбина	14
Легенда о донском цветке-бессмертнике	19
Чайка	25
Легенда об амазонках	29
Одолень-трава	36
Азовское сидение или Почему казаки отмечают свой праздник на Покров?	41
Лебяжий остров	46
Почему казакам можно приходить в церковь при шашке?	55
Воины Христа	60
Почему у днепровских и донских казаков чубы разные?	63
Легенда о запорожцах	70
Платов и Кутузов	76
Легенда о казаке	80
Шайтан Боклю	88
Поединок	100
Гербовый жеребей	102
Пегие кони	107

Почему на осине лист дрожит?	112
Легенда о том, как Уруп-князь в грязи увяз	117
Кот али кат?	123
Ермак и уж	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Казачьи Покрова Избранное

Евгений Меркулов

© Евгений Меркулов, 2018

ISBN 978-5-4490-2157-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказки, легенды, предания

Завет Коляды или откуда пошли казаки? (по мотивам сказа о казаках)

Про стародавние года
Поют Бояна струны:
Небесный Батька Коляда,
Сын Тарха, внук Перуна,

С Небесной Матью Даж-землёй
В пылу любви горячей
Родили ночью грозовой
Свободный люд казачий.

И Батька выделил сынам
По случаю рожденья
На вековечны времена
Обширные владенья.

– Вот это – ваш родной Присуд.
Запомните, отныне
Вам обитать пристало тут,

Не мысля о чужбине.

Идти отселева не нать,
Но всей своею мощью
Вы степь родную защищать
Должны и днём и ночьюю.

А на сторожу, в помощь вам,
Характерные чада,
Пожалуй, дядьку Хорса дам,
Он подсобит, коль надо.

Пошлю умений на труды,
И мастерства, и хваток,
Чтоб вы не ведали нужды,
Был в куренях достаток.

Чтоб токмо через общий круг
Считалось решенье,
И принималось без наруг
Моё благословенье.

И были б, Батькины сыны,
Вы света сторожами.
И все поборники войны
Дрожали бы пред вами.

И видя кривду, подлость, грязь,
Усобицы и злобы,

Вы меж собою неприязнь
Не допускали чтобы.

И чтоб от Матери-земли
Грядущему в угоду
Вы перенять себе могли
Любовь к людскому роду.

Таку червону! Дажед нет,
Багряну, аки сполох
Небесный! Вот вам мой завет.
Да будет век ваш долог!

Легенда о Белом Олене (по мотивам «Легенды об Оленях» П. С. Полякова из романа «Смерть Тихого Дона»)

I

В глубине седых веков на Донском раздолье
Дал Господь для казаков степи в Диком Поле.
И на вечны времена в знак благоволенья
Он послал своим сынам Белого Оленя

С тем, чтоб люди никогда ни в словах, ни в деле,
Зверю доброму вреда учинять не смели.
Так и жили много лет предки миром-ладом,
Чтя Божественный Завет, с круторогим стадом

По законам вольных птиц, без вражды и злости.
Но однажды у границ появились гости.
– Кто такие и откель протоптали тропы?
– Мы из северных земель беглые холопы.

Там у нас боярский гнёт крепнет год от года,
Лютый царь как воду пьёт кровушку народа.
Казни, лязганье оков, страшная картина...
Стоят жизни мужиков меньше, чем скотина.

Ох, не стало нам житья никакого боле,
Вот, и в дальние края мы пошли за волей.
Где могучий Дон-отец катит полны воды,
Вкус познаем, наконец, счастья и свободы.

В ноги падаем донцам – Сжальтесь, добры люди,
Дайте бедным беглецам землю на Присуде.
Не гоните, казаки, нет назад дороги.
Ведь у Дона, у реки места хватит многим. —

И казачий круг решил, что своей землицей
От щедрот донской души можно поделиться.
– Что же, ладноть, в добрый час! Место есть покуда.
Оставляйтесь промеж нас на земле Присуда.

Но от рабского клейма отвыкайте, братцы.
С Дону выдачи нема, нечего бояться.
Нет невольничьих цепей, каторги, острога.
Обживайтесь средь степей, поминайте Бога.

II

День за днём, за сроком срок пролетали годы.
Не слабел донской поток, не мелели воды.
Ночка близилась к концу, звёзды в небе стыли,
К атаманскому крыльцу на кобыле в мыле

Прискакал да не казак, не донец весёлый,
А наспуленный вожак беглых новосёлов.

– Слушай, батько, дело есть, объявляй тревогу.
У меня худая весть. Я прошу подмогу. —

По призыву на майдан собралось народу.
Вышел пришлый атаман, поклонился сходу.
– Со своих уйдя земель, с казаками вместе
Мы живём, но и оттель получаем вести.

И сейчас наш край родной покорён жестоко,
На него пошли войной полчища с востока.
Всех, кто молод и силён, из родимой хаты
Забирают в свой полон вражьи супостаты.

Бьют детишков, стариков, храмы жгут, иконы...
И рекой струится кровь, и стекает к Дону.
Рушат древние кресты в городах и сёлах.
Помогите нам, братья, объявите сполох.

В этой праведной борьбе с ворогом по праву
Вы стяжаете себе воинскую славу.
Долго думали донцы и решили: «Любо!»
И заржали жеребцы, заиграли трубы.

Бьются в дальней стороне ради дутой славы
И в чужой для них войне падают на травы.
Ну, а дома вой, да рёв, вдовы, да ребяты.
Без отцов, да без мужьёв жито не дожато.

На Присуде мор и глад, чёрными ночами

Хутора на степь глядят мёртвыми очами.
Даже если вой-герой приходил с увечьем,
Угощали лебедой... Боле было нечем.

III

Хтось от голода забыл Божье повеленье
И стрелою завалил Белого Оленя.
Только сели жарить плоть, всюду потемнело,
И сказал с небес Господь – Злое вышло дело.

Дон был даден казакам и донские степи,
Чтобы жили вы века в этом благолепии.
Вы ж ушли с родной земли против Божьей воли,
Славу брэнную нашли там на бранном поле.

И когда же глад затряс ваши поселенья,
Погубили, убоясь, Моего Оленя.
Здесь, над степью, над рекой, принял Я решенье:
Павшим воинам – покой! Нет живым прощенья! —

Чёрный вран свои крыла вскинул, словно руки,
И легла на землю мгла, и утихли звуки.
Нет сияния зарниц, потянуло тленом,
Казаки упали ниц в ужасе священном.

Вдруг раздался детский писк, вслед другой, ... десятый...
Горький плач пробился ввысь, в Божии палаты.
И Всевышний услышал в тонком детском плаче,
Что невинных наказал за грехи казачьи.

Поднял лик Господь в слезах светлая печали,
И от слёз на небесах звёзды засияли.
Солнца пламенный венец тьму рассеял сразу
И решил простить Творец чад своих проказу.

– Вам реку еще одно Божье откровенье:
Много крови суждено зря пролить в сраженьях.
Да и слуги сатаны будут всяко-разно
Вас толкать в круги войны, да пытаться соблазном,

Путать с верного пути, и наступит время,
Выбьют вороги почти всё донское племя.
Но не будет казакам Моего прощенья,
Не придут сюда пока новые Олени.

Чтоб не скрылся судный день дней других золою,
Дам вам герб, а в нём Олень, раненный стрелою.
Пусть запомнят казаки новых поколений —
В этом знаке и грехи, и залог спасений.

Там, где зверь мой был убит, дол залив рудою,
Нынче озеро вскипит чёрною водою.
И когда в урочный час воды станут сушей,
Это будет знак для вас – прощены все души.

Казак и Судьбина

(по мотивам «Казачьих сказок»)

*«Скажи мне, кудесник, любимец богов
Что сбудется в жизни со мною?»
А. С. Пушкин «Песнь о Вещем Олеге»*

I

Казак молодой на ретивом коне
Покинул родную станицу,
Решил попытаться в чужой стороне
Поймать свою Синюю Птицу.
Немало успелось проехать ему,
Пока на пути он увидел корчму.

«Вот это и нужно сейчас для меня!» —
Воскликнул казак: «Слава Богу!
Ждёт сытный обед седока и коня,
А вечером снова в дорогу.
Ступай, Воронок, под навесом в тени
От жаркого солнца чуток отдохни».

И только казак уместился за стол,
Попробовал первое блюдо,
Старик седовласый к нему подошёл,

Явившись незнамо откуда.

«Садись, угощайся, почтенный отец» —

Приветствовал старца донец-молодец:

«Кулеш не остыл ещё, прямо с огня.

Я позже поем. Помоложе.

Да мы с тобой, часом, скажи, не родня?

Обличием трошки похожи».

И старец ответил, усмешку тая:

«Почти угадал. Я – Судьбина твоя».

На старца внимательно смотрит казак —

Лик в шрамах, согбенные плечи,

Из мутного глаза точится слеза,

На теле следы от увечий.

Неужто мой жребий таков на веку?

И боязно стало в тот миг казаку.

Старик засмеялся: «Гляди, брат, гляди.

Ты видишь Судьбину казачью.

Печали и горести ждут впереди,

А вовсе не Птица Удачи.

Послушай совета, соколик ты мой,

Садись на коня и вертайся домой».

Поехал казак, чтоб не лезть на рожон,

Обратно дорогой знакомой,

Но мыслил: «Я ПУТЬ СВОЙ изведать должен,

Не будет покоя мне дома».

И снова, коня повернувши назад,
Туда поскакал, куда очи глядят.

II

Сколь минуло лет, нам и знать ни к чему.
Но, скорую чуя кончину,
Задумал казак посетить ту корчму,
Где встретил когда-то Судьбину.
К заветному месту примчался скорей,
Глядит, а старик уже ждёт у дверей.

Уселись, по чарочке взяли на грудь
За встречу (а как же иначе?).
– Ну что, убедился? Досталось хлебнуть
Несчастий, упрямый казаче?
«По-разному было: и эдак, и так» —
Судьбине отвечивал старый казак.

– А что, неужели ни разу тебе
На ум не являлись догадки,
Что если бы жил ты покорно судьбе,
То был бы здоров и в достатке?
Отвечил казак, как ударил мечом:
«Нет, я не жалею, отец, ни о чём!»

Судьбина пытается: «Могу тебе дать
Возможность начать всё сначала».
Подумал донец и ответил: «Не нать!
Менять ничего не пристало.

Я прожитой жизнью доволен вполне
И шляха другого не надобно мне».

А люди гадают: «Поди близнецы?
Гляди, как похожие лица!
Откуда явились сюда пришлецы?
Кубыть, не из нашей станицы».
А «братья» пыхнули духмяной махрой
И выпили дружно по чарке второй.

«Чему усмехаешься, ну-ка скажи?» —
Судьбина промолвил сурово:
«Коль есть на душе что, открой, не держи
Внутри своё дерзкое слово.
С чего веселишься? Чай, близок конец».
Судьбине ответил с улыбкой донец:

«Был давеча тусклым огонь твоих глаз,
А ныне он ярко лучится.
Вот, я и смекаю, что жизнь удалась,
Попалась мне Синяя Птица.
Хучь стар ты годами, а взор кугаря.
И значит, землю топтал я не зря».

И молвил Судьбина: «Воинственный пыл
Ни шашкой не сбить, ни нагайкой.
Ты прав, казарлюга, по совести жил.
По третьей за волю давай-ка!»
На этом я сказку кончаю, сынки.

И слава те, Боже, что мы – казаки!

Легенда о донском цветке-бессмертнике (по мотивам легенды донских казаков)

Отцу

I

Давно это было, в лихие года
На Дон налетела с востока орда,

Прошла по Присуду с мечом и огнём,
Хлеба потоптала монгольским конём,

Поля окропила казачьей рудой,
Связала невольников крепкой уздой,

Разрушила храмы, сожгла городки
И в степи вернулась от Дона-реки.

А вслед за ордой от свово куреня
Плелись полоняне, судьбину кляня.

Ох, много донцов той далёкой весной
Узнали про вражий аркан власяной.

II

У Марьи-казачки монголы родню
Забрали с собою в полон на корню —

Любимого мужа и сына-мальца,
И дажед почтенного старца-отца.

Спалили избёнку, порушили баз,
Она, же в леваде укрывшись, спаслась.

Ох, как горевала, оставшись одна,
Уж лучше б с семьёй бедовала она!

Потом порешила, что будя кричать,
В Орду ей дорога, родню выручать.

Отвесила Дону прощальный поклон
И двинулась прямо в ордынский полон.

Нелёгк и долог был путь у неё,
Безлюдные степи, не встретишь жильё.

Достались казачке и холод, и зной,
И голод, и жажда, и волчий конвой.

Она шла вперёд, разбирая следы,
И так через год добрела до Орды.

Оборвано платье, обуви нема,
Зияет прорехой пустая сума,

Тоща, что и мёртвый глядится живей,
Но всё же добралась до цели своей.

III

Марию доставил в шатёр караул,
И хан на неё с интересом взглянул:

– Чего тебе, женщина? Кто ты? Откель?
Зачем ты пришла? Какова твоя цель?

– Ты зришь пред собою казачью жену,
Супруг мой и чадо в ордынском плену,

Родитель мой с ними, я так их люблю!
О, хан, отпусти их на волю, молю!

А коли не пустишь, бери меня вслед.
Мне жизни на воле без родичей нет.

И хан ей сказал: – Ты смела и горда!
За то, что решилась добратся сюда,

С тобой отпустить я могу одного,
Того, кто дороже, милее всего.

Мария задумалась, спала с лица

И, глядя сквозь слёзы, сказала: – Отца!

Воскликнул правитель, услышав ответ:
– Подумай, отцу твоему много лет!

Он пожил на свете, казачка, к тому ж
С ним рядом томятся твой сын и твой муж.

Погибнут в неволе, вдали от Руси.
Не хочешь супруга, хоть сына спаси!

Мария сдержала рыданье в груди:
– Ты мыслишь, что баба рехнулась, поди?

Тяжел этот выбор, но сам посуди,
Ведь я молода, и вся жизнь впереди.

Я с помощью Божьей на этом пути
Смогу себе нового мужа найти...

Вновь сына рожу – буде воля Творца,
Но кто мне заменит родного отца?

IV

Внимательно выслушал женщину хан
И нукеру крикнул: – Скачи за шихан!

В степи средь привычного всем ковыля
Цветок необычный взрастила земля,

Сиреневый цвет, как в Ононе вода.
Найди и сорви, и немедля сюда!

Вернулся посланник, доставил цветок,
И хан, протянув его женщине, рёк:

– Твой мудрый ответ оценить я сумел
И выполнить просьбу твою захотел.

Ты с этим цветком походи по Орде,
Искать своих близких с ним можешь везде.

Но помни, для поиска выделен срок,
Пока не завянет, не сгинет цветок.

Найдёшь их – до дома дорога пряма,
А нет, не взыщи, оставайся сама.

Загадка таилась в его словесах,
И тлела улыбка в раскосых глазах.

Взглянула казачка, лишь молвила: – Ах!
И высохли слёзы на впалых щеках.

Отвесила хану поклон – Исполать!
Спасибо за милость! Пойду их искать.

Предчувствием встречи с родными полна,

С цветком по Орде зашагала она.

Сияли глаза, как над Доном рассвет.
А хан ещё долго смотрел ей вослед.

V

Бессмертником кличут цветок на Дону,
Имеет он тайну-загадку одну.

Ить, как утверждает казачья молва,
Он может не вянуть не день и не два,

Неделю и месяц, кубыть даже год,
Бессмертник сиреневым цветом цветёт.

VI

А кто из потомков казачьих родов
Сейчас, как Мария, на подвиг готов?

А ежели выбор предложат такой,
Кого мы возьмём на свободу с собой?

И даст ли нам кто на пороге беды
Бессмертник иль даже хучь кружку воды?

Надеяться, вдруг да придёт мудрый хан?
А може, не ждать? Подскажи, атаман!

Чайка

(по мотивам казачьей легенды)

Ох, когда это было, да сколько веков
Миновало – упомню едва ли.
Знаю только, что турки держали Азов,
Да татары в Крыму царевали.

И частенько встречали тады казаки
На Придонье незваного гостя.
Пели острые стрелы, звенели клинки,
Да клевали курганники кости.

Казаки не спускали обиды врагам,
Наносили удар басурманам,
Приплывая на стругах к чужим берегам,
И домой возвращались с дуваном.

Дык, об чём это я разговор свой веду?
Ясаул со товарищи-други
Вышел в синее море, не чуя беду,
На проворном испытанном струге.

От ить, леший! Откель отсыревший табак?!
Внучек, серники деду подай-ка.
Я гутарю – до турок поплыл наш казак,

Ну, а дома жана-молодайка

Ждёт-пождёт-не дожётся желанного дня,
Чтобы любый вернулся с похода,
То и дело глядит из окна куреня
На донские бескрайние воды.

А о том и не знает, что на море вдруг
Казачья злая буря застала
И разбила о скалы прибрежные струг
Всею силой девятого вала.

И потопли донцы, окромя одного.
Догадалси? Ага, ясаула.
Отчего-то волна пощадила его
И на берег безлюдный швырнула.

Он очнулся, глядит, а вокруг ни души
И подмоги не жди ниоткуда.
Запечалился хлопец, придется – решил —
Пропадать вдалеке от Присуда.

А жана ясаула, прождав цельный год,
Хучь от мужа ни слуху, ни духу,
Отыскать его вздумала, но наперёд
Навестила старуху-присуху.

И ведунья сказала – Тебе не страшна
Путь-дороженька, зрю это ясно.

Приведёт, куды надо, морская волна,
Но из лодки ни шагу! Опасно!

На чужом берегу коль оставишь свой след,
Возликует нечистая сила. —
Поклонилась казачка старухе в ответ,
Села в чёлн, натянула ветрило.

Сколь плыла она дён, я не знаю, дружок.
Да оно и не важно к тому жа.
Только всё жа нашла тот пустой бережок
И на ём заприметила мужа.

Видит, он под кусточком лежит на траве,
Альбо сон подкосил бедолагу,
Альбо мёртв, но угроза свербит в голове,
Мол, из лодки неможно ни шагу.

Подплыла она ближе и громко кричит,
Но не слышит казак её зова.
Захолонуло сердце – неужто убит?
И забылось ведуньино слово.

Может, он только ранен, и помощь нужна? —
Подстегнула мысля, как нагайкой.
И на берег до мужа рванувшись, жана
Водночас претворилася чайкой.

С громким криком летала она в вышине,

Над судьбой своей жалобно плача.
И проснулся казак, видит – чёлн на волне,
Есть на свете казачья удача!

И поплыл он до дому, а чайка вокруг
Всю дорогу летает, кружится.
Невдомёк ясаулу, с чего это вдруг
Так печалится белая птица?

С этих пор много дён, много лет чередой
Унеслось по донскому теченью.
Только чайка и досить кричит над водой
И не может найти утешенья.

А ты слёзки-то вытри, негоже кричать.
Коль казак – так блюди себя! Кстати,
Впредь пулять из рогатки по чайкам не натъ.
Я надеюсь, ты понял, касатик?

Легенда об амазонках (по мотивам «Истории» Геродота)

Примеров, унучек, мы знаем полно
В истории Тихого Дона,
Когда с казаками дрались заодно
Их матери, сёстры и жёны.

Геройство их туркам познать довелось,
Черкесам и прочему люду.
Лупили и вместе, лупили и врозь,
Чтоб шляхи забыли к Присуду.

Откуда ж у бабы кураж боевой?
Не знаешь? От, то-то, кужонок!
Ить корень казачки наследуют свой,
Кубыть, от самих амазонок.

* * *

Послухай, дружок, в самой глубли времён,
Как пишет нам батька историй,
Рекой Танаисом был батюшка-Дон,
Меотским – Азовское море.

Хто «батька историй»? Ну, тот, Геродот.
Учёный. Жил в прошлые веки.

От, сбил меня, ирод, с рассказа! Дык вот,
О чём бишь я? Древние греки

В бою победили и взяли в полон
В какой-то не нашей сторонке
Одно из воинственных бабьих племён,
Что звали себя «амазонки».

Загнавши их в трюмы своих кораблей,
Поставив тугие ветрила,
Отправились в путь, к той далёкой земле,
Что их родила и вскормила.

Тут буря взыграла. Покуда мужи
Сражались, с волнами споря,
Те девы достали мечи да ножи,
И сбросили эллинов в море.

А шторм вслед за валом накатывал вал,
Стонали и лопались снасти,
Как править кормилом никто и не знал,
И вёсла ломались на части.

И парус поставить они не могли,
Отдавшись на волю планиды.
А ветер, как щепки, швырял корабли,
Пока не достиг Меотиды.

И вот в Танаис амазонки вошли,

Узрели зелёные бреги.
Причалили, твердь незнакомой земли
Вдохнула в них мысль о набеге.

Похитив у скифов табун лошадей,
Наладивши луки и стрелы,
Взялись за разбой среди местных людей.
А што там? – Привычное дело!

* * *

А скифы не поняли сразу, откель
Свалилось несчастье такое?
Пошто и с каких неизвестных земель
Явились свирепые вои?

От так и гадали они до тех пор,
Покуда в одном поселеньи
Налётчикам дали достойный отпор,
Побили их трошки в сраженьи.

Почали доспехи с убитых сымать,
Ну, типа военной добычи.
Раздели их, глядь! Ох ты, ёшкина мать!
– Мы билися с бабами, нычит?!

И тут к атаманам помчались гонцы
С доносом, что скифам обиду
Чинили отнюдь не мужчины-бойцы,
А бабы, пригожие с виду.

И круг атаманов размыслил, что впредь
Для племени было бы кстати
Не бить амазонок, напротив, иметь
В союзниках девичьи рати.

И скифы послали своих сыновей,
Шоб те только миром да ладом
Вчерашних врагов превратили в друзей
И стали над бабьим отрядом.

Найти амазонок в бескрайней степи —
Сурьёзное дело, не шутка.
Шо ёрзаешь? Сбегай на двор, не терпи,
А я подымлю самокрутку.

Сколь хлопцы путляли, топча ковыли,
Об энтот отдельные речи.
Но лагерь воительниц всё жа нашли,
Разбили и свой недалече.

За каплею капля заметна едва,
Но камушек точит водица.
И мало-помалу, но лагерь два
Смогли меж собой подружиться.

* * *

Так колос весной подымается ввысь,
Коль осенью брошено семя,

Два лагеря вместе в единый слились,
Сложилось новое племя.

Мужья предложили вернуться домой,
Собраться и двинуться разом.
На энто супружницы все до одной
Отвeтили твёрдым отказом.

– Обычаи женщин из ваших племён
Нам чужды, – заметили жёны.
– У тех, кто с мечом был и с луком рождён,
Иные для жизни законы.

Шоб часть состояния вашу забрать,
Езжайте в родные селенья.
Потом возвертайтесь в лагерь опять,
Мы будем вас ждать с нетерпеньем. —

Послушались хлопцы, явив свою прыть,
Но жёны сказали – Негоже
Нам жить в энтом месте, пора уходить. —
Вскричали мужья – Отчего же!?

– На скифской земле нам не любо. Мы ей
Чинили немалые беды,
И вас, как детей, увели из семей.
Давайте ускачем отседа.

Оставим страну, перейдём Танаис

На север помчим иль к востоку.
А тама начнём свою новую жизнь
В краю неизвестном, далёком. —

Коль бабы решили, их дурь не убить,
Настырное чёртово семя!
Сказали «идтить», нычит надоть идтить...
И степи покинуло племя.

Их жёны сражались мужчинам под стать,
Владели копьём и чеканом,
Могли на коне без устатку скакать
И всадника сбросить арканом.

Свистела и в цель попадала стрела,
И сыпались искры булата...
А девка идтить под венец не могла,
Пока не убьёт супостата.

А те племена, кто свой корень ведёт
От скифов, ушедших когда-то,
И их амазонок, писал Геродот,
Назвали потом *савроматы*.

* * *

А нут-ка таперя затылок чеши,
Задачку задам, отгадай-ка —
От, как их потомков зовут? Чуваши!
А ты и не ведал, всезнайка.

Ты шо, пострелёнок, жалаешь спросить?
Мотрю – засверкали глазёнки.
Как можно про корни казачек судить,
Коль с Дону ушли амазонки?

Не думай, што деда спымал на брехне.
Видать, Геродот обсчитался —
Уйтить-то ушли, да вот верится мне,
Кубыть, кое-кто и остался.

Одолень-трава (по мотивам казачьего сказа)

I

Набегался за день? Тады, коль не лень,
Ложись на бочок, слухай деда.
Я сказку скажу про траву-одолень,
А ты засыпай, непоседа.

Ох, было то дело в седые года,
Тому лет пятьсот иль поболе.
И степи донские шумели тогда
И звалися Дикое поле.

Не видно ни стёжки в густых ковылях,
Ни тропки, ни влево, ни вправо.
Лишь только Ногайский извилистый шлях
Ползёт сквозь высокие травы.

По этому шляху с восточных сторон
Свершали набеги порою
На Дикое поле, на батюшку-Дон
Лихие раскосые вои.

Встречали незваных гостей казаки
Могучею силою ратной

И гнали их дружно от Дона-реки
В ногайские степи обратно.

Но коли удара сдержать не могли,
То ворог, не ведая жалость,
Сметал городки и станицы с земли,
Рудою трава умывалась.

Побив казаков, стариков, малых чад,
Забрав полонянок с собою,
По шляху с дуваном в улусы, назад,
Вертались ногайцы с разбоя.

И шли молодые казачки в полон,
Лицом почерневшие с горя,
Отвесив Придонью прощальный поклон,
К Хвалынскому дальнему морю.

От ран на ногах вся дорога в крови,
Обильно слезами полита.
Ты плачешь, касатик? Не нать, не реви.
Была и у девок защита.

II

А где ж та защита? А вот она где —
У нас, на Дону, каждым летом
В затонах, на тихой, стоячей воде,
Кувшинки цветут белым цветом.

Они распускаются в солнечный день,
А в ночь закрываются снова.
Им имя другое – трава-одолень.
Ты чуешь? Волшебное слово!

И вот, ближе к вечеру – слышишь, внучок? —
В тот час, когда форму бутона
Цветы принимали, из вод старичок
Являлся на берег затона.

С седой бородою, глаза – пара звёзд,
А скорость быстрее, чем у зайцев.
Он за ночь проходит до тысячи вёрст,
Ать-два, и уже у ногайцев.

То нищим прикинется, просит подать
Монету, искусный пройдоха,
То нукером славным, ногайская знать
Не видела в старце подвоха.

А то притворится вдруг важным гонцом
Из ставки великого хана,
Но чаще всего представлялся купцом,
Являя ярлык от кагана.

При этом не столько менял свой товар
На бархаты, камни и злато,
Как просто вельможам давал его в дар,
Не требуя щедрую плату.

А те и довольны, гляди – повезло!
Ить, выгодно, честное слово!
Купец им меняет донское седло
На миску вчерашнего плова.

А то, что он просит на пленных взглянуть,
Так нет для отказа причины.
Пушай его смотрит, не жалко ничуть,
Уважим желанье купчины.

Ш

Среди полонянок пройдёт старичок,
Всем скажет приветное слово
И каждой подарок подаст, пусячок —
По маковке сладкой медовой.

Уйдёт. Но под вечер, когда небосклон
Окрасится алым закатом,
С молитвой о землю ударится он
И лебедем станет крылатым.

Он в небо взовьётся и криком своим
Даст громкий сигнал, улетаю.
И все полонянки взлетят вслед за ним —
Лебёдушек белая стая.

Ногайцы пытаются птиц изловить,
Пускают им стрелы вдогонку.

Да где там! Они улетели, кубыть,
Обратно, в родную сторонку.

Всю ночь лебединая стая в пути.
На утренней зорьке у Дона
Спустилась, совсем обессилев почти,
И села на глади затона.

Чуток отдохнули, напилися всласть
Рассветной студёной водицы
И на берег вышли, уже не таясь,
Казачки, не белые птицы.

Назад оглянулись – найти лебедей,
Но следа не видно их даже...
Травы-одолены цветы на воде,
Как пух белоснежный лебяжий.

Запомни, внучок, казаку в чёрный день,
Уж если беда приключится,
На помощь придут и трава-одолень,
И Дон, и родная Землица.

Теперь засыпай, не то выну ремень
Да выпишу пару горячих.
И тут никакая трава-одолень,
Тебе не поможет, казаче

Азовское сидение или Почему казаки отмечают свой праздник на Покров?

Что за праздник, робятушки, ноне? Покров!
Потому расскажу в этот день я
Вам не сказку, а правду про крепость Азов,
Про великое наше сидение.

Крепость в дельте одной из прекраснейших рек.
Я, конечно, гутарю о Доне.
Было это... постойте... семнадцатый век,
И Михайло Романов на троне.

Гулевала в Азове турецкая рать,
Учиняла разбои без меры,
Забирала себе всё, что можно забрать,
Продавала народ на галеры.

И тогда порешил круг донских казаков,
Что негоже с позором мириться,
Нужно взять у туретчины крепость Азов,
Основать там казачью столицу.

К ним на помощь пришли запорожцев полки.
Не родные, но всё ж таки братья.
И, избрав атаманов, пошли казаки

Судовою и конною ратью.

А Азов неприступен: большой гарнизон,
Сотни пушек, снарядов без счёта.
«Кзаки наступают? Пожалте в полон,
Мы вам даже откроем ворота!»

Ночью взорваны разом подкопы у стен,
Затряслися Азова защиты.
И в теченье трёх дней те, кто выбрал «не плен»,
Были насмерть в бою перебиты.

Кзаки победили в те славные дни,
Сокрушилась врагов оборона.
И пять лет безраздельно владели они
И Азовом, и устьями Дона.

Только турки запомнили этот урок,
И на время смирились для вида,
Порешив для себя в обозначенный срок
Отомстить кзакам за обиду.

Городской гарнизон, как прознал про поход,
Кинул клич: «Кзаки, на подмогу!»
И пришли дети, жёнки, казачий народ...
Тысяч пять собралось, слава Богу.

Супротив оборонцев турецкий султан
Двинул главную мощь султаната:

Сорок тыщ янычар, кораблей караван,
Всех аскеров послал для захвата.

Батареи огонь ураганный вели,
Шли на приступ волна за волною.
Только стали защитники русской земли
Для врага неприступной стеною.

Не сумевши с наскока Азов отобрать,
Турки взяли героев в осаду,
Обещая для тех, кто решится предать,
И пощаду, и даже награду.

Но предателей не было среди казаков.
Без подменщиков, без передышки,
Дни и ночи в аду сабель, ружей, штыков...
Штурмы, натиски, взрывы и вспышки.

Дети, женщины, старцы, кому довелось
Быть в осаде, не прятались в хаты.
Помощь раненым, пища, снарядов подвоз,
Кипяток, чтоб облить супостата.

В результате для турок огромный урон!
Ну а что у противника в войске?
Не понять, ведь казак, угодивший в полон,
Шёл на муки без звука, геройски.

«Нам в раскладе таком воевать не с руки,

Заложите-ка мины, аскеры!»
Два десятка подкопов нашли казаки
И предприняли нужные меры.

Вот и осень настала, дожди, холода,
И хворобы пришли им по следу.
Стала таять стремительно вражья орда,
И надежд больше нет на победу.

В стане турок наметился крупный разлад,
Недовольство и ропот, и смута.
Мол, «давно уж пора возвратиться назад,
А мы тут сидим почему-то!»

От подкопов и подкупов толку нема,
Казаки пресекают всё разом.
Турки рвутся обратно, в родные дома,
Подчинения нету приказам.

А защитники тоже не чают чудес:
Вполовину ряды поредели,
Продовольствия мало, снарядов в обрез,
Нету силы в измученном теле.

Дух не сломлен казачий. Война, так война.
До последнего биться готовы.
На миру, как известно, и смерть не страшна,
Но не плен и не рабы оковы!

И Петров, атаман, произнёс свою речь:
«Кзаки, призываю к атаке!
Всяко лучше в бою славной смертью полечь,
Чем подохнуть в плену, как собаке».

И в осеннюю ночку, как раз на Покров,
После службы защитники строим
Порешили наутро идти на врагов,
Попрощались друг с другом пред боем.

Рано-рано, в предутренней свежей тиши
Кзаки отворили ворота.
Глядь, а в лагере турок нема ни души,
Стан покинули свой отчего-то.

Только где-то у моря, в далёкой дали
Слышен шум отступающей рати.
И в Азовские воды ушли корабли,
Но никто не просил о возврате.

Богородица, видно, спасла казаков,
Заступилась за нас, не иначе.
С этих пор отмечаем мы праздник Покров
Как особенный праздник казачий.

Лебяжий остров (по мотивам сказки кубанских казаков)

В куширях, в камышах схоронившись хитро,
Первый раз шёл в разведку по плавням Петро.

Чёлн турецкий девчата видали не зря,
Вон, в протоке, с тревожными криками «Кря!»

Стая уток вспорхнула. Засада! Враги!
«Берегись!» – шепчет чакан – «Обратно беги!»

Но бежать не позволит душа казака,
«Попытаюсь я взять-захватить языка.

Перед всеми похвалит меня атаман —
От, Петро, молодец! Обдурил басурман!

Сам малой, ну а пленный – бугай, большерук.
Вишь, как булькамы зыркает, башибузук!»

Так, мечтая, как слава ероя найдёт,
Наш разведчик побрёл осторожно вперёд,

Вострой саблей легко раздвигая камыш.
Вдруг удар по потылице... темень да тишь.

* * *

«Ну, казак, где залогов у вас? Не таи.
Коль ответишь, то все эти деньги – твои.

А не скажешь, так будешь висеть до поры
На осине, пока не зажрут комары» —

Толстый турок с усмешкой глядел на Петра.
Этот взор не сулил никакого добра

Молодому попавшему в плен казаку,
Что висел на аркане пред ним на суку.

Ни полслова Петро не промолвил в ответ.
Он-то знал, что надежд на спасение нет.

Лютой смерти над ним занеслася рука,
Но ничто не могёт покорить казака

И заставить друзей своих верных предать.
Ить, покуда в опасности Родина-мать,

Будет сердце казачье, как твёрдый булат,
И смертельные муки его не смягчат.

Оглянулся Петро на знакомый курган

И увидел, как солнце спускалось в лиман.

Где-то там, за курганом, в станице сейчас
Ждёт маманя сына, не смыкаячи глаз.

Ждёт Маруся невеста, почти что жена.
Эх, сыграли бы свадьбу, да сука-война...

Рази можно в тот край за Кубанью-рекой,
Где родился, где предки нашли свой покой,

Туркам путь указать, не сторев со стыда,
До родного гнезда? Ни за что! Никогда!

А пузач улещает: «Ты – храбрый казак,
И на век твой победных достанется драк,

А разок проиграть никому не страшно.
Да и вызнать секрет мы смогём всё равно.

Ить Аллах тебя в руки нам дал неспроста,
Чтобы шлях показал ты в родные места.

Пожелай он победы твоей стороне,
Был бы я сейчас связан, а ты на коне.

Посмотри, вот кошель, в нём монеты звенят.
Покажи нам залого и будешь богат.

Хоть ты молод годами, но, вижу, толков.
Станешь важным пашою среди казаков.

А не скажешь... Аркан свой сниму я тогда,
Когда твёрдою станет вода ото льда,

Когда мух снеговых налетит белый рой.
Только ты не увидишь их, глупый герой.

Тебя высушит солнце и высосет гнус,
Но пощады не будет, Аллахом клянусь!»

У Петра голова наливалась свинцом,
Он на турка смотрел с потемневшим лицом.

Резал руки верёвки тугой перехват
И стучало в висках: «Я подвёл. Виноват!

Опоил меня призрачной славы дурман,
Я не выполнил дела. Прости, атаман.

Зря в лесочке густом у излуच्या реки
Ждут меня из разведки друзья-казаки».

Толстый турок прищурился, сузив зрачок:
«Ну, так что, не раздумал молчать, казачок?»

Тот, сухим языком проведя по губам,
Покачал головой, мол, секрет не отдам.

«Ты, казаче, наверно сдурел от жары?
Но помогут язык развязать комары.

Утром, хочешь не хочешь, секрет нам отдашь» —
Прошипел басурман и полез в свой шалаш.

* * *

Солнце ниже и ниже спускалось в лиман,
Над землёй расстился белёсый туман,

В этот вечер закат был кроваво-багров,
И звенела победная песнь комаров.

Распознали, подлюки, насколько сладка
И приятна горячая кровь казака.

Дружно взялся за дело безжалостный гнус,
И всё тело горело, как общий укус.

«От, проклятые вороги!» – думал казак —
«Лучше сразу бы вбылы, не мучили так».

Только турки храпят в шалашах до утра,
И им дела нема до мучений Петра.

Он просил: «Хоть бы дождик меня освежил,
Остудил лихоманку искусанных жил».

Но ни облачка нету на небе ночном,
Лишь вдали что-то движется тёмным пятном.

«Ой, Кубань!» – он молился – «Ой, ридна река!
Поможи же мэни, защити казака!»

Нет ответа, а ветер донёс до ушей
Монотонно-печальную песнь камышей.

Смежил веки Петро, выжав слёзную соль.
Забутьё и дремота ослабили боль.

* * *

То не звон комариный, не шум тростника,
Шелест волн ото сна разбудил казака.

Будто на ухо шепчет: «Казаче, поглянь,
Вон идёт наша гарныця дева Кубань».

На невесту Марусю похожа чуть-чуть,
Только косы волнами струятся на грудь,

Мудрость плещется в серых бездонных глазах,
Да запутался месяц в густых волосах.

– Значит, ты услышала, что ты мне нужна?
«Услышала, Петруша», – шепнула она.

Ты запомни, что горе твоё – не беда,

Ить защитник земли не умрёт никогда.

И не бойся, коханный, теперь ничего».
А студёные руки ласкали его.

Свежей влагою ветер лицо окропил,
И губами казак её жадно ловил.

* * *

А наутро прохлада окутала лес,
Мелкий дождик на землю струился с небес,

Казака не палил изнуряющий зной,
И он бодрый очнулся от дрёмы ночной.

Толстый турок, зевая, покинул шалаш
И спросил у Петра: «Что решил, делибаш?

Будешь первого снега тут ждать на суку
Или звон золотых всё ж милей казаку?»

Долго шутке смеялся, держась за бока,
А потом заглянул под откос бережка.

Вдруг от ужаса турок стал белым, как мел.
Он, упав на колени, на миг онемел,

А потом закричал, указуя на брег:
«О, великий Аллах! Да откуда тут снег?!

Он гяурам на радость, а нам на беду,
Но я воли твоей супротив не пойду».

Басурманин из ножен достал ятаган
И от страха дрожа, перерезал аркан.

– О, великий Аллах! Твоя воля – закон.
Я неверным сдаюсь вместе с войском в полон.

Коли дал нам Аллах удивительный знак,
Мы готовы идти за тобою, казак.

Вот гора ятаганов, пистолей и стрел.
Мы связались арканом, как ты повелел. —

– Что такое? При чём тут турецкий Аллах?
Может быть, мои дружки спешат на челнах?

И какой же шайтан напугал басурман,
Что, вон, даже паша бросил свой ятаган? —

Посмотрел под откос удивлённый Петро.
Снегом берег блестит, что твоё серебро.

– Вот те на! За меня заступилась Кубань.
Снег не мог пасть на землю в такую-то рань. —

В этот миг из-за серых насупленных туч

Путь пробил себе радостный солнечный луч.

Следом солнце лиман осветило сполна,
И качнулась внезапно снегов пелена.

Белоснежные льдинки, скользя по воде,
Обратились в сотни гусей-лебедей.

Стаи вверх поднимались, роняя перо.
«Это ж птицы, не снег» – догадался Петро.

И повёл своих пленных туда, где челны
Безмятежно качались на гребне волны.

* * *

Ну, а тот островок на лимане с тех пор
Прозывают «Лебяжьим», таков уговор.

И не дай тебе, Боже, коль кто из людей
Вдруг замыслит обидеть гусей-лебедей.

Почему казакам можно приходить в церковь при шашке? (по мотивам сказки-легенды)

Были, братцы, времена
Далеко-далече,
Богу стала вдруг нужна
Помощь человечья.

И случилось то навродь
По весне, в апреле.
Звал крестьянина Господь
Пособить при деле.

А мужик, прищутив глаз,
Так ответил Богу:
– Не могу иттить чичас
Дел на поле много.

Как посею свой овёс,
Кину хлеб в землю,
Вот тады другой вопрос.
Жди через седмицу.

Загрустил Господь слегка,

Посуровел где-то.
Он ить ждал от мужика
Иншого ответа.

– Футы-нуты, важный гусь!
Что ему Всевышний?!
Ну, дык, ладноть, обойдусь!
Будет повод лишний

Посмотреть на свежий глаз
На людскую веру.
Вон к боярину сейчас
Обращусь, к примеру.

У него ж холопских душ,
Почитай, без счёта.
Даст мне этот славный муж
Толику почёта?

И в боярской слободе
Зов раздался Бога,
Дескать, Господи в беде,
И нужна подмога.

Помолясь не торопясь
Около киота,
Управляющий и князь
Взялись за расчёты.

И боярин свой отказ
Выдал осторожно,
Дескать, помощь дать сейчас
Ну никак невозможно.

Мол, и рад бы был помочь,
Да полно работы,
Люди пашут день и ночь
До седьмого пота.

На Алёну сеять лён,
Да ячмень, да гречу.
Погоди хоть тридцать дён —
Может, станет легче.

Через месяц-полтора
Обращайся снова,
И помочь я буду рад —
Княжеское слово!

А пока наоборот,
Будет всем неплохо,
Если Боже подмогнёт
С высевом гороха.

На челе у Бога враз
Желваки взыграли.
Рай увидишь, светлый князь,
Ты теперь едва ли.

Что ж, о вере в суете
Позабыли люди?
Кто теперь поможет? Где?
Может, на Присуде?

Там, конечно, вольный люд,
Ценят лишь свободу
И своих не продают,
Даже Мне в угоду.

Пишут собственный закон,
Чтимый, как святыню.
Так и жили испокон,
Так живут поныне.

Но по вере мне верны,
В них моя надёжа.
Выручайте же, сыны,
Коли просит Боже!

А внизу казак сидит,
Точит востру шашку,
Детвора вокруг галдит,
Жинка шьёт рубашку.

Вдруг казак услышал Зов
И сказал без шуток:
– Боже, я почти готов.

Дай лишь пять минуток.

– А не мало ли, донец?
В путь ить едешь дальний.
– Пять минут для нас, Отец,
Срок вполне нормальный.

Видишь восемь казачат?
Братцы-шалопуты.
Попроцаться с кажным нать
Хучь по полминуты.

А жену ишо обнять,
Да расцеловаться —
Плюс минута, в общем – пять.
Можем отпрапляться.

Вот за энто, братцы, нам
Выдали поблажку:
Мы при входе в Божий храм
Не снимаем шашку.

И как «Вонмем» прозвучит,
Казаки лишь вправо
Чуть клинки приобнажить,
Православье славя.

Воины Христа (по мотивам казачьих сказок)

Вот, басурман собралась рать
И латиняне с ними тоже
Христову веру в грязь втоптать
И православных уничтожить.

Сошёл с небес Всевышний сам,
Покинул горнюю обитель.
Сперва к монахам в Божий храм
Явился с просьбой о защите.

Но те за пением псалмов
Не услышали Божье слово.
Господь к дворянам: – Кто готов
Стеной за веру стать Христову?

– Да, мы готовы, есть у нас
Мечи и кони для атаки,
Но вишь, охотимся сейчас,
Уж больно дороги собаки.

Вот, погоди-ка, соберём
Любимых псов обратно в своры,
Тогда на битву и пойдём

Тотчас, какие разговоры?!

К купцам отправился Господь,
А те ответили: – О, Боже,
Сочтём барыш сейчас, погоду,
Придём на помощь, но попозже.

К крестьянам Бог направил глас:
– Мои возлюбленные чада,
Я столько мук терпел за вас,
Теперь помочь немного надо.

Никто из пахарей на зов
Не отозвался, все при деле.
Нашёл, мол, дурней! Из низов
Подмогу брать для ратной цели!

Война – занятие господ,
Крестьянам это до лампады.
Сейчас весна, день кормит год,
И сеять хлеб скорее надо.

В слезах Всевышний спросил:
– Есть на Руси такие люди,
Кто, не щадя последних сил,
Готовы стать за веру грудью?

И встали разом казаки,
Чтоб храбро встретиться с врагами.

Забыты сети и силки,
А табуны пасутся сами.

И кто в чём был оставил дом,
Пошёл, заслышав Божьи зовы.
– Господь, мы близко, мы идём,
Мы за тебя на всё готовы!

И посветлел Христоса лик,
Прислали скорую подмогу
Казачий Дон, Кубань, Яик
И все, кто верно служит Богу!

Благословил Господь сынов
И рёк им: – Роду быти живу,
Покуда будет он готов
Вставать по первому призыву

За Русь, за веру в бой идти,
За православные святыни!
Такие вам даны пути,
И да пребудет так отныне!

Да не исчезнет ваш народ!
И даже многим прегрешеньям,
Когда Великий Суд придёт,
Дам милосердное прощенье.

Почему у днепровских и донских казаков чубы разные? (по мотивам казачьей легенды)

I

Ну, садитесь, внучата, настала пора
Для обычных вечерних рассказов.
Обитало когда-то в долине Днепра
Племя смелых и вольных черкасов.

Жил Богдан со своею большою семьёй
На излучье реки, в хуторочке.
Да вот так получилось, что доблестный вой
В несчастливой родился сорочке.

Турки ночью напали на их хуторок,
Запылали повсюду пожары,
И от смерти никто уберечься не мог,
Били всех, не щадя, янычары.

До последнего вздоха рубился Богдан,
Но победа досталась турку,
В плен двенадцать сынов его взял басурман
И красавицу Ганну, дочурку.

Всех братьёв полонённых и кроху-сестру
Воспитали согласно Исламу,
Чтобы выжечь навеки тоску по Днепру,
Чтоб забыли про батьку и маму.

Месит судьбы Господь, словно глину гончар.
Год за годом летел неустанно,
И пополнили братья ряды янычар,
И женою паши стала Ганна.

Словно знаки отличия, у янычар
(Ой, чудные адаты чужбины!)
Были головы выбриты гладко, как шар,
Лишь с макушек свисали чуприны.

II

А у братьев в отряде был старец один,
Лет под семьдесят, может поболе.
Удивлялись вокруг, как до этих годин
Он дожить умудрился в неволе?

И когда наступили последние дни,
Он, почувствовав смерти дыханье,
Тайну братьям поведал – откуда они,
Вызвал прошлого воспоминанья.

А ещё рассказал старый, мудрый Али
Путь-дорогу в днепровские степи.
Сам уйти не сумел, но чтоб хлопцы смогли

Разорвать басурманские цепи.

И однажды в ненастную, тёмную ночь,
Перебивши гаремную стражу,
Взяли братья сестру и направились прочь
Из туретчины. Видя пропажу,

Повелел разъярённый турецкий паша
Разыскать беглецов – и на плаху!
И помчались аскеры, исполнить спеша
Приказанье во славу Аллаху.

Долго ль, коротко турки напали на след,
Беглецам не уйти от погони.
Надо дальше бежать, только сил уже нет,
И в степи они, как на ладони.

Братьям Ганна сказала – Бегите одни,
Задержу я аскеров, поверьте.
Не посмеют худого мне сделать они,
Ну а вы ускользнёте от смерти. —

Так и сделали. Туркам солгала она,
Что забрали её против воли,
Что любимому мужу осталась верна
И что братья – не братья ей боле.

– Пусть расскажет, где этих злодеев найти?
А не выдаст – не будет ей веры!

По какому они убежали пути? —
В нетерпении кричали аскеры.

– Изловить лиходеев я рада помочь —
Предводителю молвила Ганна, —
Погоди, пусть на землю опустится ночь,
Поднимись на вершину кургана

И в степи, освещаемой яркой луной,
Ты увидишь, вещует мне сердце,
Там, где спят беглецы, ветерок озорной
Треплет русые их оселедцы. —

Месяц в небе ночном обнажил ятаган,
Высоко засияли Стожары,
Предводитель аскеров взошёл на курган,
Чтоб увидеть, где спят янычары.

– Что такое?! – Ага отшатнулся назад, —
Их же дюжина! Так не бывает! —
Ведь куда ни направит он пристальный взгляд,
Оселедцами ветер играет.

– Не иначе, беду подготовил Иблис,
Столько воинов! Явно – засада!
Нет, покуда зарёй небеса не зажглись,
Уходить нам отсюда надо!

Мы не сможем осилить такого врага,

Янычары дерутся, как волки! —
Так за хлопцев чуприны трусливый ага
Принял ночью ковыльи метёлки.

Той же ночью аскеры без шума ушли
Восвояси. Лишь бедная Ганна
С перерезанным горлом лежала в пыли.
Не простили ей турки обмана.

III

Ну, а братья назад посмотрели с утра —
А погони не видно, как странно!
Как же туок сдержать умудрилась сестра?
Что придумала хитрая Ганна?

И пошёл на разведку тогда младший брат,
Чтоб узнать поподробней, в чём дело.
Только вскоре вернулся он, губы дрожат,
На руках бездыханное тело.

Я вам честно скажу, мне неведомо как,
Может, ангелы им нашептали,
Может, голос руды или Божеский знак,
Только братья всю правду узнали.

Нет, касатики, это не сказка, а быль.
Вам брехать я не вижу причины.
Братья поняли всё и про светлый ковыль,
И про тёмную ночь, и чуприны.

И они поклялись у могилы сестры,
Что покуда в груди бьётся сердце,
Держат руки сабли и пики востры,
Не сбривать с головы оселедцы.

Алый шрам на сердцах лег от тех похорон,
Прочертив промеж братьев границу:
Половина решила податься на Дон,
Половина к Днепру воротиться.

Те, кто выбрали Дон, понимали, что им
В горле вражьем быть вострою костью.
Защищать надлежало братьям остальным
Земли предков, что спят на погосте.

Запах трав и широкий простор степовой
Вольным духом взорвали их разум.
Видно, так предначертано было судьбой,
Выбрав шлях свой, расстались... И сразу

Рассердился Господь, видя этот раскол,
Что мужи поступают по-бабьи.
И над братьями теми, кто к Дону пошёл,
Вдруг разверзлись небесные хляби.

Стали шестеро братьев в болотах тонуть,
Стали помощи кликать в испуге.
Божьи ангелы начали вверх их тянуть,

И чуприны рвались от натуги.

А коль волос порвать (вы видали, поди?),
Он курчавится, словно пружина,
Будто баба напутала на бигуди
И оставила после обжина.

Так-то с этих времён и пошли у донцов
Их чубы – короткие, кудреваты,
А чуприны днепрян, как у тех беглецов,
Что от турок сбежали когда-то.

Отношенья меж ними, порой, холодны,
Помнят ссору давнишнюю братья,
Но случись, не дай Бог, что-то вроде войны,
Будут биться единою ратью!

Всё, закончилась сказка, теперь на бочок.
И не спорить с дедуней, будь ласка!
Сладких снов тебе, внучка, и глазки, внучок,
Закрывай. Завтра новая сказка.

Легенда о запорожцах (по мотивам казачьей легенды)

I

Порог Ненасытец гудел и стонал,
Днепровские волны бурлили,
А дед Опанас у костра вспоминал
Казачьи легенды и были.

– Когда это было? Не помню, сынки.
Видачь, в летописцы не гождя,
Но славно гуляли тогда казаки
В ковыльных степях запорожья.

Народ был бедовый, отважнее льва!
Красивы, дородны и статны.
Их конное войско завидев едва,
Враги убежали обратно.

Казак ить, ребятушки, с ним не шути!
Он, время не тратит на речи,
На бой не сробеет один к десяти
И выйдет с победою в сече.

Ни девок, ни жёнок (тут каждый – бобыль),
Ни чад голосащих, тем боле.

Лишь небо, да Днепр, да высокий ковыль,
Да воля, бескрайняя воля!

Оружие в яхонтах, яркий жупан,
Конь-ветер, что вскачку стремится.
Казак запорожский – он сам себе пан,
Свободная, вольная птица.

И все их боялись, они ж – никого,
И нехристей били нещадно,
Чтоб впредь до днепровских крутых берегов
Тем было ходить неповадно.

По водным просторам, не зная преград,
Скользили их быстрые чёлны,
И «чайки» казачьи забыли навряд,
Я чай, черноморские волны.

На турок, татар и иных басурман
Ходили, бывало, в походы,
Но боле, чем самый богатый дуван,
Ценили там радость свободы.

II

А русской царице меж тем донесли
О жизни привольной казачьей,
И ей захотелось (хитры москали!)
На службу принять их, тем паче,

Узнала, что в хлопцах есть удаль, и стать,
И прыть, и мужчинская сила.
А это, последнее, надо сказать,
Владычица шибко любила.

И чтоб запорожцев на службу завлечь,
Короче, оформить наёмку,
Царица немедля отправила в Сечь
Вельможного князя Потёмку.

Увидел светлейший насколь хороши,
Отважны сыны запорожья,
И вспыхнула зависть, отравя души,
Коварность разыграла вельможья.

Подумал Потёмка – Неможно никак
Везти этих хлопцев в столицу,
А то ненароком какой-нить казак
Собой очарует царицу.

Вон, сила мужская из них так и прёт,
Любой подойдёт в фавориты.
А мне что тогда? От ворот поворот
И двери в покои закрыты!

Покои-то ладно, да нет дураков,
Чтоб власть самолично отдали.
Поэтому нужно послать казаков
В поход, да отсюда подале! —

Для царских придворных интрига, обман —
Привычное, милое дело.
Светлейший подарки раздал, хитрован,
И сети расставил умело.

Сокрыв ото всех настоящий наказ,
Он именем русской царицы
Просил казаков поспешить на Кавказ,
Чтоб с местной царицей сразиться.

Мол, злая колдунья – придумывал он —
Грозит государыне нашей,
И надобно взять эту курву в полон
Живую иль мёртвую даже.

А сам себе мыслил – Уйдут казаки,
Назад не воротятся вскоре.
Побьют их кавказской царицы полки
В сраженьях у Чёрного моря.

А тех, кто удачно в кровавых боях
Со смертью сыграет в орлянку,
Накажет потом мусульманский Аллах,
Пошлёт им болезнь-лихоманку. —

Поверили хлопцы в обманную речь.
Коль просит царица толоку,
Коней оседлали, оставили Сечь,

Направили войско к востоку.

Уехали разом, собравшись за час,
Забыв на Днипро оглянуться.
И нету с тех пор их – сказал Опанас, —
И вряд ли обратно вернуться.

III

А что с ними случилось? Чудные дела!
В легенде вот так говорится:
В полон запорожцев без боя взяла
Кавказская эта царица.

Без сабельных ран, без железных оков,
Петлёй власяной не арканя,
Навек привязала к себе казаков
Прекрасная дева Ковбаня.

Краса от рожденья дана была ей.
Неможно представить и в сказке
И стан её гибкий, и пламя очей,
И взор с обещанием ласки.

Лишь только увидев её, казаки
Забыли о цели похода,
Привольные степи, густые колки,
Днепровские быстрые воды.

Ковбаня, сказав, что во всех влюблена,

Остаться позволила с нею.
И хлопцы остались на все времена,
Уйти от царицы не смея.

С тех пор Ненасытец тоскует, ревёт,
Пеклется в вое и плаче.
Столетия проходят, а он всё зовёт
Ушедшее войско казачье.

И Днепр вспоминает о тех временах,
Когда басурманам на горе
Он лёгкие «чайки» носил на волнах
До самого Чёрного моря.

А степь, что упрятать могла без числа
Лихих казаков с атаманом,
Сегодня завяла и вся поросла
Сухим низкорослым бурьяном.

И лишь по весне из заморских сторон
На Днепр возвращаются птицы,
Приносят оттуда казачий поклон
И вести о жизни станицы.

Река засыпает, вздыхая во сне
О славе казачьего рода,
А птицы купаются в тихой волне,
Нырять в днепровские воды.

Платов и Кутузов

(по мотивам казачьих преданий)

Раз Матвей Иваныч Платов,
Бравый генерал-майор,
Был к фельдмаршалу в палаты
Приглашён на разговор.

Вот примчался он в столицу,
А ему, мол, – Князя нет,
Вы проходите в ту светлицу,
Ихний личный кабинет.

Погодите трошки тута,
Коли верить сим часам,
То, кубыть через минуту
Он пожалует и сам.

Огляделся в кабинете
Славный вихорь-атаман —
Чудо есть на белом свете!
Я-то думал, что обман.

Вон ковёр, что степь ковыльна,
Утопает в ём сапог,
И парсун вокруг обильно,

И пейзажей – дай те Бог!

А у двери, слева-справа,
В рост гвардейский (ой-ё-ёй!)
Две макитры на подставах
С сине-белою змеёй.

Вот те на! – Подумал Платов —
Энто что ещё за хрень?
Да, такую экспонату
Принести б себе в курень,

То-то было бы конфуза! —
Вдруг услышал шум донец,
Не иначе князь Кутузов
Воротился во дворец?

Платов грудь расправил браво,
Чтобы встретить старика
И макитру, ту, что справа,
Зачепил клинком слегка.

И макитра прямо с полки
На паркет дубовый – хрясь!
Да на мелкие осколки...
Тут как раз и входит князь.

– Ох, с тобой одни растраты!
Знай, отсчитывай рубли!

Мне же вазу энту, Платов,
Из Китая привезли.

Из старинного фарфора,
Ваза парная, заметь!
А ты – бац! Без разговора.
Экий, братец, ты ведмедь.

Не сложить ея, тем паче,
Не подклеить нипочём.
Почему ж в войсках казачьих
Тя считают лихачом? —

Не сробел орёл могучий
С Дона вольных берегов
– Я, сиятельство, приучен
Только так и бить врагов.

Чтобы лекарям по новой
В бой не двинуть басурман,
А иначе, право слово,
Что б я был за атаман?! —

Улыбнулся князь, а Платов
Говорит – Спокон веков
Есть священные адаты,
Есть закон у казаков.

Если ты чего в сраженьи

Не берёшь с собой в полон,
Разбивай без промедленья
На осколков миллион. —

Тут светлейший князь от смеха
Ухватился за бока.
Хороша была утеха
От лихого казака.

– Ой, не зря ты в атаманы
Вои выбрали, донец!
Я признаюсь без обмана,
Ты, Иваныч, – молодец!

Легенда о казаке

(по мотивам одноименной легенды)

Во степи Придонья,
У Святой реки
Съехались на конях
Братья казаки.
Не на бранном поле
Бить чужую рать,
А напиться воли,
Удаль показать.

Прибыл на потеху
Молодой казак,
А откель приехал,
Не узнать никак.
С виду – хлопец гарный,
Жеребец – огонь,
Ну а силы в парне —
Ну-ка, пробуй, тронь!

Верьте, чи не верьте,
Этот славный вой
Бился так, что черти
Поднимали вой.
В бой вступал без страха,

А потом в лесу
Плакал и папашой
Утирал слезу.

Казачи вначале,
Видя этот грех,
Парня задирали —
Шуточки да смех...
Но узнали часом,
Что случилось с ним,
И единогласно
Приняли своим.

Выпало родиться
Хлопцу в хуторке
Около границы
На Десне-реке.
А маманю с батей
Без какой вины,
Лишь забавы ради,
Извели паны.

И остался мальчик
Круглым сиротой.
Был возвращён с казачьей
Строгой прямоюй.
Отошёл от горя,
Все ж таки — малец.
Был смышлён, проворен,

Как его отец.

Над его судьбою
Чёрный выпал рок.
Ляхи вновь с разбоем
Взяли хуторок.
От руды да сажи
Снег был чёрно-ал,
Соколом тогда же
Соколёнок стал.

Силам у Данилы
Не видать конца,
Вражеским громилам
Не настичь мальчика.
Вроде малолетка,
Что с мальчонки взять?
Но заветы предков
Выучил, как нать.

Воевода Збышко,
Вида этот бой,
Повелел парнишку
Захватить с собой.
Обучил, как нужно
Ездить на коне,
Как владеть оружием,
Побеждать в войне.

Пленник воеводы
Вырос, стал юнак,
Только память рода
Не стереть никак.
Ночкою туманной
Учинил резню,
Обезглавил пана
И его родню.

Головы подвесил
На заборе он
И, минуя веси,
Ускакал на Дон.
Чтоб найти собратьев
На Святом Дону,
Чтоб единой ратью
Защищать страну.

Рассказал на круге
Про судьбу свою,
И парнишку други
Приняли в семью.
Уважали воя
За казачий нрав.
Волен был душою
И рассудком здрав.

Ой, судьбы зигзаги
Крутят удила,

На поляцкий лагерь
Вышла казарла.
В ход пошли резервы,
Кровь текла рекой,
И Данилка первый
Рвался в смертный бой.

Клали жизнь за волю,
А не за рубли,
Но мальчонку в поле
Не уберегли.
Была кровь криницей
Из казачьих жил,
Но своих убийцев
Всё ж он погубил.

Поминали долго
После казака,
Сокола молодого,
Как сынка полка.
Били, что есть силы,
Ворога бойцы,
За своего Данилу
Мстящие донцы.

Годы неустанно
Мчатся без конца,
Но в казачьем стане
Не забыть юнца.

Будто бы с отрядом,
Смертью смерть поправ,
Снова едет рядом
Данька жив и здоров.

И когда бесстрашно
Лава шла в намет,
Гик его отставших
Подгонял вперед,
Бил врагов Присуда,
Словно ураган.
Но не верил в чудо
Батька-атаман.

Как-то к дивной речке
Выехал отряд,
Славное местечко,
Травный аромат.
Над водою тихо
Плачет краснотал.
Ой, засады лихо
Кто бы ожидал?!

Выскочили ляхи —
Сабли наголо.
Рубят от папах
Ажно по седло.
Вдруг из выси камнем
Сокол прилетел,

Вот тогда-то парня
Атаман узрел.

– Батюшки! Да это
Данька! Посмотри!
Словно ясным светом
Светит изнутри. —
– К вам пришла сподмога! —
Слышен звонкий глас
– В бой, ребята, с Богом!
Я иду за вас!

Крепче дружбы, верьте,
Нету ничего!
Мы и после смерти
Все за одного!
На поганых ляхов
Вскинем ввысь клинки
И вперёд без страха,
Братья казаки! —

Руки не ослабли,
Глаз ещё востёр,
В сечу рвутся сабли,
А в душе – костёр.
Раненые тоже,
Кто стоять могли,
В бой во славу Божию
Поднялись с земли.

Двинули громадой,
Чтобы вражья гнусь
Вникла, что не надо
Приходить на Русь.
Били в хвост и в гриву
Шляхетскую рать,
Не давали живу
Никому удрать.

После этой битвы,
Бают старики,
Новую молитву
Стали казаки
Перед боем важным
Небу возносить,
А потом отважно
Супостата бить.

А чего бояться,
Братья во Христе?
Наш Данилка-братец
Там, на высоте,
Сверху зорким взглядом
На Присуд глядит,
Казакам, коль надо,
В битве подсобит.

Шайтан Боклю

(по мотивам «Казачьих сказок» Бориса Алмазова)

I

Ну-тка, ну-тка покажи,
Как владеешь шашкой.
Руку правильно держи,
Та руби с оттяжкой.

Налетай, как ураган,
Ввязывайся в сечу.
Вишь, подсолнуха колган
Отлетел далече,

Покатился за амбар
До навозных кучек?
Прям, баклановский удар.
Молодец, унучек!

Што, вопрос есть до меня?
Да хучь дажа двадцать!
У куточек ставь коня,
Будем разбираться.

О Бакланове узнать
Хошь чуток поболе?
В двух словах не передать,
Сядь поближа, што ли...

Расскажу чиво смогу
О явойной жизни,
Чем он грозен был врагу,
Как служил отчизне.

Горцам Яков был не люб,
Как бельмо на глазе.
И не зря «шайтан Боклю»
Звался на Кавказе.

II

В той войне-то попервам
Брали верх абреки,
И стекали по горам
Русской крови реки.

Вот и царь издал указ,
Шоб явились быстро,
Без задёржки, сей жа час
Все яво министры.

Генералов пригласил,
Равно атаманов.
Среди них тада и был

Наш донец Бакланов.

Хучь и молод был ишо
Атаман казачий,
Но известен хорошо
Воинской удачей.

Государь достал рубин
Красный, аграменный.
В мире был такой один
Шибко драгоценный.

Молот с кузни притянул,
От таку махину!
Говорит министрам: – Ну,
Бейте по рубину. —

А министры: – Не-не-не!
Та не дай нам Боже!
Мы такой урон казне
Нанести не можем. —

К генералам государь
Обращает очи: —
Хто найдется смелый – вдарь!
Али все не очень? —

Да жалающих-то нет,
Стихли разговоры,

Взгляды шшупают паркет,
Потолок, да шторы.

Лишь фельдмаршал, старый дед,
Дёрнув бакенбарды,
Молвил: – Лучше самоцвет
Заложить в ланбарды,

Аль продать ево к хренам
В дорогую лавку,
Ахвицерам и чинам
Выправить прибавку. —

Царь кивнул, прищурил глаз,
Улыбнулся странно
И спросил: – А што чичас
Скажут атаманы?

Ну, робяты-казачки,
Вы моя надёжа.
Доказать, што смельчаки
Есть в России всё жа. —

Яков выслушал царя,
Вышел в середину,
Лишних слов не говоря,
Жахнул по рубину.

Разлетелся камень в прах,

В мелкую осколку.
Энти – «ох!», другие – «ах!»,
Только всё без толку.

Казака пыгает царь:
– Отвечай мне прямо,
Неужель тебе не жаль
Камушек ни грамма?

Ить нанёс урон казне,
И не страшно, паря?
– Одного лишь жалко мне,
Энто государя,

У кого во дни войны
Свита бесшабашна,
Ей приказ главы страны
Нарушать не страшно.

– Твой ответ не в бровь, а в глаз
Угодил, не скрою.
Отправляйся на Кавказ,
Там нужны герои.

III

На Кавказ приехал он
И почал с разгона
Казакам вставлять пистон,
Тем, хто были с Дона.

– Ах вы, сукины братья,
Рази ж так дерутся?
Ить глядят на вас деды
И с небес плюются.

Басурмане вам дают
Жару то и дело.
Вы позорите Присуд
И Россию в целом. —

Есаулы тупят взгляд,
Отвернули рожи.
– Мало войска, – говорят, —
Кони плохи тоже.

Не получится самим
Сладить с басурманом.
– От, давайте поглядим, —
Отвечал Бакланов.

И у Терека-реки
К смотру атамана
Кзаков свели полки
Летним утром рано.

Платья синего сукна,
Кони – для парада.
И не скажешь, што война

Ходит где-то рядом.

Всё Бакланов осмотрел,
Взял на ум заметки
И бойцам раздать велел
По золотой монетке.

– Што, хорош ли ваш дуван?
Вы довольны мною?
– Да, премного, атаман! —
Закричали вои.

– Кто со мной теперь пойдёт
В бой под вражьи пули,
Делай два шага вперёд! —
Разом все шагнули.

– Ну а зараз хто со мной
Хочет бить абрека,
Пусть кидает золотой
Прямо в буйну реку. —

Разделились казаки
Ровно вполовину.
Хто сжал деньги в кулаки,
Хто швырнул в пучину.

Тех, хто гроши не кидал,
Вместе с есаулом

Тут же Яков отослал
В лагерь караулом.

Снова крикнул командир:
– Кто со мной готовый,
Рви безжалостно мундир,
Не гляди, что новый! —

И опять: одни стоят,
Словно в раздевалке.
Половине ж в аккурат
Рвать мундиры жалко.

Те отряды казарлы,
Хто не тронул справы,
Атаман послал в тылы,
В дальние заставы.

– Братцы, слушайте меня!
Тех на вражьи рати
Поведу, хто от коня,
Купленного батей,

Враз избавиться смогёт.
Тута выбирай-ка:
Хто-то в голову пальнёт,
Хто пожгёт нагайкой. —

Вновь раскол меж казаков,

Рвутся братни цепи:
Те жалеют дончаков,
Энти гонят в степи.

Хто без денег, без коней
И в портах исподних,
Собралися в стороне —
Лишь четыре сотни.

IV

А Бакланов тут как тут:
– Будет вам одёжа.
Всем черкески раздадут,
То – вторая кожа.

Тольки вы прошли за мной,
Через все барьеры.
Вам за то поклон земной,
Не теряйте веры.

И не стоит горевать,
Што пропало злато.
Казаку того не нать,
Он другим богатый.

Синий ваш мундир с шитьём
Скверен для сраженья.
Кажный был для горцев в ём
Славною мишенью.

О лошадках строевых
Плакать не пристало.
Толку здесь, в горах, от них
Было б очень мало.

Что сполняете приказ
Быстро, без оглядки,
Может каждому не раз
Жизнь спасти, робятки.

Здесь не степи, здесь Кавказ,
Здесь другие вои.
И сумление для нас
Гибельно порою.

Мало нас? Считай не так,
Не на человекoв.
Стоит здесь один казак
Тысячу абреков. —

Знамя чёрное достал
С головой Адама
И пошёл крушить войска
Шамяля-имама.

Как в сухой траве огонь
Шли под флагом чёрным
Чудо-воин, чудо-конь,

Да с полком отборным.

Ох, боялися полка
Горцы пуще смерти,
Мол у них наверняка
Не бойцы, а черти.

А с шайтаном нету нам
Никакого сладу.
Даже сам Шамиль-имам
Говорил с досадой:

– Каб Аллаха мой народ
Так боялся рьяно,
Как страшится, что придёт
Полк Боклю-шайтана,

То никто бы не грешил,
Чтили бы адаты.
Все бы были хороши,
Все бы были святы. —

У

Ноне хватит. Ты поглядь —
Месяц выплыл в небо.
Я устал ужо брехать,
Отдохнуть мне треба.

Што, опять собрался в бой?

Положи-тка палку,
Мы жа думали с тобой
Завтра на рыбалку.

В хату геть и на бочок,
Разбужу поране.
Про подсолнухи молчок
Мамке и бабане.

Поединок

Наш донской герой Бакланов
Получил худую весть —
Лучший снайпер басурманов
Обещал его известь.

– Да, видали мы такого! —
Усмехнулся атаман,
Штуцер взял у вестового
И намётом на курган

Грянул выстрел из засады,
Горца дрогнула рука,
Просвистела пуля рядом,
Не задела казака.

Снова промах! Что за дело?!
Знать, Господь хранит орла.
Пуля тело не задела,
Только бурку порвала.

У Джанема сдали нервы,
Стал он целить в третий раз,
Но пальнул Бакланов первым
И попал ему меж глаз.

Громовым «ура!» встречали
Победителя в полку,
И «якши, Боклю!» кричали
Даже горцы казаку.

Во время рубки просеки через Качкалыковский хребет Бакланов, знавший, что знаменитый горский стрелок Джанем обещал убить его, когда он станет на обычном месте на кургане, все-таки в обычное время поднялся на холм и, когда дважды промахнувшийся Джанем выглянул из-за горы, из штуцера в лоб убил Джанема наповал.

Когда Бакланов повернул коня и стал спускаться с кургана, войска, бывшие свидетелями этого оригинального поединка, приветствовали его громовым «ура». Сами горцы оглашали воздух неистовыми криками: «Якши, Боклю!»

Гербовый жеребей (по мотивам казачьей легенды)

– Ну шо, куженята, хотите ещё?
Тады подвигайтесь поближе,
Послушайте, как Емельян Пугачёв
Захватывал крепость Камышин.
Такая преграда в пути – не пустяк,
Мешает идтить, как на гузне чиряк.

А тута бяда – крепостной гарнизон
О рейде Емелиной рати
Был загодя кем-то, кубыть, упреждён,
А энто для штурма некстати.
И как ить прознали (хватило ж ума!),
Шо боезапасов у войска нема?

Пришёл Пугачёв, а оне начеку,
Заряжены ружжа и пушки.
Куды же суваться таперь казаку?
Тут пики и сабли – игрушки.
Хучь с крепости дражнятся ахвицерА,
Дык, с саблей не выйдешь напротив ядра.

А те изгаляются – Эй, голытьба!
Нужна ли свинцовая каша?

Чегой-то не слышна сегодня пальба? —
А следом и местная стража
В угоду начальникам-ахвицерАм
Сымает порты, шоб показывать срам.

И што тут робыть? Коль в атаку побечь,
Достичь не получится вала.
В зародыше штурм остановит картечь,
И вновь начинай всё сначала.
Мовчат пугачёвцы, досада берёт,
Да только идтить невозможно вперёд.

Сие непотребство сурово смотря,
Иваныч покликвал Ивашку
Творогова, главного их пушкаря, —
Ты што жа,хвати ты кондрашка!
Пошто не потешишь хвастливых господ?
Пошто не закроешь их пакостный рот?

Гляжу я, Ивашка, твои пушкари
Гуляют чегой-то без дела.
Мотри у меня, я ить на раз-два-три
Башку отделяю от тела.
Давай-ка картечью стволы заряжай,
Да тех, гологузных, слегка попужай. —

Ивашка ответил – Дык, ежели б могли,
Умыли б давно супостатов.
Вот только заряды мы все извели,

Когда штурмовали Саратов.
Чугунные ядра, картечь, жеребей
Оставили там, атаман, хучь убей! —

В раздумье нахмурил чело Емельян —
Расклад по всему нехороший,
Но взяли в Саратове крупный дуван,
Подводы каменьев и грошей.
А ну-ка, Ивашка, немедля ответь,
В обозе у войска имеется медь? —

– В Саратове взяли немало добра
(Иван гордо выпрямил плечи),
Возов десять меди, один серебра,
Да где на них купишь картечи?
Богата казна, только в этой глуши
Заместо товара предложат шиши. —

Тут батька прикрикнул – А ну, не юли,
Ить мы рождены казаками!
Давай, заряжай, да из пушек пали
Целковыми и пятаками.
Коль грошей богато, чего их беречь?
Они – жеребей, и они жа – картечь!

– Дык, жалко! Оставь хучь бы воз, атаман! —
Пушкарь попросил Емельяна.
– Сполняй приказанье! И помни, Иван,
Мы бьёмся не ради дувана.

Повёл за собою в поход я народ
Дворян изничтожить и прочих господ. —

Начнёшь обсуждать атаманский приказ —
Не кончится это комедью.
И пушки почали плеваться зараз
По крепости гербовой медью.
И только в атаку пошли казачки,
Как крепость сдалася. Вот так-то, внучки.

Связал ахвицеров своих гарнизон,
Ишо коменданта до кучи.
– Нам верную смерть принимать не резон,
Сдадимся на милости лучше.
Ить мы жа не черти и нам не с руки
Калёные тута считать пятаки. —

Решил атаман никого не казнить,
Велел разобраться по-свойски:
Уходят пушай те, хто хочет уйтить,
Хто хочет – останется в войске.
Шёл батька стеной за народ за простой...
За то и расстался потом с головой.

Э, нет, хитрованы, ваш номер нейдёт!
Отложим до иного раза.
Готовы сидеть тута ночь напролёт
И дедовы слухать рассказы.
На баз «по делам» и стрелюю в курень,

Покель ваш батяня не вынул ремень!

Пегие кони

(по мотивам казачьей легенды)

От царёвых войск Степану
Довелось умчаться прочь,
Есаулы Ус да Драный
С ним скакали день и ночь.

Уносили от погони
По дороге, по степной
Казачков лихие кони
Белый, рыжий, вороной.

Оторвались, слава Богу!
Вечер, можно отдохнуть,
Покемарить хучь немного,
А наутро снова в путь.

Атаман и есаулы,
Чтоб не рыскать шлях во тьме,
Сговорившись, завернули
К первой встреченной корчме.

Там пошли в свою светёлку,
Взгляд не бросив на сарынь,
Не заметив, как им волком

Смотрит в спину Мишка Шпынь.

Мишка хлопец был толковый,
С точки зрения жидов,
Воеводам за целковый
Даже мать продать готов.

В полночь Разин вдруг проснулся,
Чай, приснился жуткий сон.
И направил Ваську Уса,
Чтоб коней проведаль он.

Васька сделал всё послушно,
Воротился и донёс —
Всё в порядке на конюшне,
Кони хрупают овёс.

Утром, словно Ванька-встанька,
Разин первым встрел рассвет.
– Гришка Дранный, нут-ка, глянь-ка,
Живы кони али нет?

С ликом бледным и опавшим
Воротился Гришка взад
– Тимофеич, кони наши
Все порублены лежат.

Не поставив караула,
Мы попались на обман.

Ноне, слово есаула,
Не спаситесь нам, атаман!

Ой, чегой-то, братка, доля
Стала горькой, как полынь.
Не иначе нашу волю
Ночью предал Мишка Шпынь. —

Разин мигом на конюшню,
Да как крикнет что есть сил
– Что ж вы, черти, в Бога, в душу!
Аль вам Божий свет не мил?!

Хватит ныть, как на погосте!
Ну-ка, быстренько, братья,
Соберите мясо, кости,
Шкуры, гривы и хвосты.

Мы себя спасаем сами,
Я хочу, чтоб у меня
С головами и ногами
Здесь лежали три коня. —

Нет вопроса «или – или?»,
Коль приказ Степаном дан.
Есаулы доложили
– Всё готово, атаман! —

Тут промолвил Разин СЛОВО

(Повторишь его навряд).
Кони ожили вдруг снова,
Бьют копытами, храпят.

За спиной у Уса с Драным
Трубы, пламя и вода,
Но о СЛОВЕ атамана
Не слышали никогда.

Как два древних истукана,
Рты раскрыв, не сводят глаз
Есаулы со Степана,
Словно видят в первый раз.

Разин крикнул – Что застыли?
Живо в сёдла и вперёд!
Али может вы забыли
О погоне воевод? —

Оседлали и намётом
Проскакали три версты.
Гришка вдруг заметил что-то
И воскликнул – Эй, братья!

Конь мой белым был, как снега,
Твой был чёрным, твой – рыжак,
А теперь они все пеги...
Как случилось это? Как?!

Тут почал Степан смеяться,
Оглядевши всех коней,
– Собирать останки, братцы,
Нужно было тщательней.

Так что, сами виноваты.
Ну дык, ладноть, ерунда.
Кони малость пестроваты,
Энто горе – не беда.

Кабы тать какой умыслил
Их с конюшни ночью свесть,
Вот тады б нам было кисло,
А пока надёжа есть. —

Атаман присвистнул лихо,
Скакуну дал шенкеля
И помчался, словно вихорь,
Через поле ковыля.

* * *

Кони пегие в природе
Появились с той поры,
Неказисты с виду вроде,
Но надёжны и быстры.

Почему на осине лист дрожит? (по мотивам казачьей легенды)

Куды ты побёг-то? Назад повертай!
На кой тебе та хворостина?
А, верхи поскачешь? Ну ладноть, давай.
А што за порода? Осина!

Про дерево энто поверишь, аль нет —
Имеется много преданий.
Ага, антиресно? Открою секрет,
Скачи тады рядом с деданей.

На белой осине лист мелко дрожит,
Как цуцик при виде сугроба,
Всегда – и при ветре, и в полной тиши.
А ты, чай не знаешь, с чиво ба?

Случилося энто как раз опосля,
Когда казаки-супостаты
Польстились на звоны царёва рубля
И выдали батьку Кондрата.

Ты думал, кужонок, казачьих врагов
Немае на землях Присуда?
Ан видишь, за сотню целковых всего

Булавина сдали иуды.

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,
Вор Егор,
Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

До денег робятушки были жадны,
На всякие подлости падки.
За медный пятак из царёвой казны
Заложат родню без оглядки.

И энти иуды линьками вились
В Черкасске вокруг атамана.
И так, день за днём, всю Кондратову жизнь
Сдавали врагам неустанно.

Булавин был честен, душою открыт,
Не верил в казачую пену.
А нужно бы ночью и днём сторожить,
Душить в колыбели измену.

И ночьюю тёмной, деда говорят,
Охрана дремала покуда,
В Черкасск провели воевод и солдат
Вот энти казачьи иуды:

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,
Вор Егор,
Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

Тады перебили усех казаков,
Кто верен был батьке Кондрату,
И плотным кольцом окружили ево
Жилище петровы солдаты.

Уж больно хотели живым взять в полон
Кондрата, как подлого вора.
Да где было знать воеводам, что он
Не снёс бы такого позора.

И поняв, что выхода более нет,
Полон ожидает иначе,
Булавин турецкий достал пистолет
И выстрелил в сердце казачье.

И сразу, о смерти Кондрата узнав,
За мздою пришли к воеводам
Все те, кто адаты казачьи поправ,
Позором стал нашего рода:

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,

Вор Егор,
Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

Покуда был жив да здоров атаман,
Сулили – за жизнь Кондрата
Участнику каждому должен быть дан
Бочонок червонного злата.

А помер Кондрат, дык царёва добра
Добыть не сумели злодеи.
Им дали на всех сто рублёв серебра,
А после погнали взащеи.

Сложили предатели гроши в казан,
Решили зарыть в виде клада.
Поймут казаки, как погиб атаман —
Иудам не будет пощады.

Под белой осиною деньгу схоронить
Придумали бисовы дети.
И днём её видно, и ночью, кубыть,
Отметку нельзя не заметить.

Зарыли они свой предательский клад,
В Черкасск возвращаются тихо.
Ан тут им навстречу казачий отряд,
Прознавший про ихнее лихо.

Полста казаков супротив четверых —
Бессмысленны крики, да вопли.
В кули повязали, да в реку бултых!
Предатели все и утопли:

Тёр да ёр,
Да жила Епишка,
Вор Егор,
Да прижимистый Тришка,
И Стёпка-резак,
Низовский казак.

И хто его знает, где клад их зарыт?
Неведомо, как говорится.
На вечные годы теперя лежит
Под белой осиною в землице.

И досить гутарит людская молва,
Что в память о жизни Кондрата
С тех пор на осине трепещет листва
Как веха злодейской уплаты.

Такие, унучек, у нас калачи.
Поймёшь всё, што нать, ты смышлёный.
Ну, ладноть, давай, по дорожке скачи,
Поведаю завтра про клёны.

Легенда о том, как Уруп-князь в грязи увяз (по мотивам казачьей легенды)

Урюпинск откель называется так?
Не ведаешь? То-то жа, глупай.
Садись на колени к дедуне, казак,
Послухай про князя Урупа.

От помнишь, вчерась мы с тобой перед сном
Вопрос обсуждали сурьёзный,
Что царь на Руси был когда-то давно,
Иван по прозванию Грозный?

Однажды он двинул войска на восток,
Те стали под градом Казанью.
Да что ты гутаришь?! Ну как бы я мог
Быть воином в энтой кампаньи?!

Казанское ханство Иван покорил,
Повсюду пожары и трупы.
А хана с князьями в полон захватил.
Не взяли лишь только Урупа.

Тот тайной тропую смог ночью удрать

К брательнику, Крымскому хану,
Чтоб тама собрать себе новую рать,
И бой дать в отместку Ивану.

А Грозный от гнева стал красным с лица,
Вскричал: – Захотели на плаху?!
Немедля спымать и привести беглеца,
Коль дали с Урупкою маху.

Живым или мёртвым! Таков мой приказ.
Нарушить его – не дай Боже! —
Пошли воеводы с Ивановых глаз,
Засунувши в бороды рожи.

– Где вора искать? Затаился, кубыть. —
Гутарят они втихомолку.
– В бескрайней степи? Дык ить легше найтить
В соломенном стоге иголку.

Поруху Иван не простит нам, увы.
Надёжи на поиски хрупки.
Бяда, не сносить нам теперь головы
По милости князя Урупки. —

Прослышал про ихни печали казак
Из Чигиных славного рода,
Ермак Тимофеич, тот самый Ермак,
Решил пособить воеводам.

Он был атаманом лихих казаков,
Участвовал в штурме Казани.
С какой там Сибири? С донских берегов.
Историк! Одно наказание...

И молвил Ермак воеводам: – Палач
Не страшен вам, дело улажу.
Чичас с казаками припустимся вскачь,
Отыщем мы вашу пропажу,

Доставим её Государю Руси. —
Бояре-то до смерти рады.
– Казаче, голубчик, ты только спаси!
Шо хошь попроси для награды.

Дадим тебе серебра-злата не счесть,
Коня и богатую справу.
– Не нать! Мне дороже казачая честь.
В награду я выберу славу. —

Вскочил атаман на свово жеребца,
И вот уже резвые кони
Отряд понесли по следам беглеца.
Тому не уйтить от погони.

Скакал три недели за князем Ермак
По долам, лесам и полянам,
Пока в ковылях не приметил бивак.
Пришёл карачун басурманам.

Средь чёрных палаток Уруповых слуг
Походный шатёр белоснежный.
Там князь, позабыв про недавний испуг,
Храпел на кошме безмятежно.

Татары поделать ничё не смогли,
Застыв в изумлении диком,
Когда неожиданно сквозь ковыли
С разбойничим свистом и с гиком

На них устремился отряд казаков.
И вскоре Урупкина свита
Ударами сабель, чеканов, подков
Была уже вся перебита.

Лишь князю тады удалось ускакать
Подале от места сраженья.
Заметил то дело Ермак и опять
Урупу стал резвою тенью.

От, скачет Уруп, погоняет коня,
Камчой его шкуру чекрыжа,
Назад оглянётся, урусов кляня...
А Чигин всё ближа и ближа.

Торопится князь, у коня на боках
Кровавая липкая жижа,
Но слышится топ дончака казака

Всё ближа и ближа, и ближа.

Спужался Урупка, поводья сронил.
Почуяв нежданно свободу,
Скакун яво рыжий помчал что есть сил,
В болотную топь прыгнул с ходу.

В грязюке вонючей по шею увяз,
Не выйти, потребна подмога.
К врагу обратился в отчаяньи князь:
— Спаси ты меня, ради Бога! —

Достал басурмана тады атаман,
Не дал яму сгинуть под тванью.
В столицу доставил, где правил Иван,
Согласно своему обещанью.

Он выполнил Грозного строгий наказ,
Привёз беглеца на расправу
И всех воевод от немилости спас,
И честь заработал и славу.

А гиблое место хопёрских болот,
Где булькали чёрные грязи,
Урупом прозвал языкастый народ,
По имени беглого князя.

Трясина усохла с годами потом,
Уходит вода из колодца.

Станица возникла на месте на том,
Урюпинской ноне зовётся.

От, коли в Урюпинск до дядьки твоего
Поедетя будущим летом,
То сможешь похвастать, што кое-чаво
Ты знаешь о городе этом.

Кот али кат?

(по мотивам казачьих сказаний)

Не надо, унучек, трепать языком.
Не знаешь – спроси у дедани.
Не мог быть Котовский лихим казаком,
Поскольку он был молдаванин*.

Да мало ль, што брешут твои друзяки!
Ты уши развешивай боле.
Они дажедь Путина к нам в казаки
Запишут, коль дать трошки воли.

Названье станицы увидел, кубыть,
Смикитил своё, торопыга.
Да только ни цепь, ни верёвка, ни нить
Не свяжут Хопёр и комбрига.

Ты в байку любую поверить готов.
А знаешь, кужонок, што ране
Водилась в том займище уйма котов?
Оттеля пришло и названье.

Не веришь? От то-то! Обиделся, чай?
Смахни-ка слезинку с ресницы.
Поближе на лавку седай, не серчай.

Я правду скажу о станице.

Ну, слухай. Названье маненько не так
Писалось в давние годы.
По слову царёву свезли в те места
Из разных сторон воеводы

Мучителей-катов, зверюг-резаков.
Зачем? Не для добрых занятий.
Для пыток и казней простых казаков,
А вовсе не воров и татей.

Войсками подавлен был бунт на Хопре,
И взялись за нашего брата.
Когда энто было? Как раз при Петре,
Восстание батьки Кондрата.

Работы для катов там было полно,
Пришлось палачам потрудиться.
Пытали, рубили, пускали на дно,
Лилася кровя, как водица.

И всё продолжалось, соколик ты мой,
Без малого цельных два года.
Семь тыщ казаков обрели упокой
В хопёрских стремительных водах.

Хучь вейся верёвка – конец настаёт,
И вот уж почуяли каты:

Мятежников нет, и для них нет работ,
А значит не будет и платы.

Ить ране с замученной каждой души
Они от царёва вельможи
Всегда получали исправно гроши.
Пущай небольшие, но всё же.

А ноне расклад-то совсем не таков,
Не купишь ни хлеба, ни сала.
Ить денег нема, коль не рвёшь казаков,
А брюхо снедать не устало.

Пришли к воеводам тады резаки
И слёзно заплакали каты:
– Вернуться нам дайте от энтой реки,
Отправьте обратно до хаты.

Работы нема, так и денег нема.
Вон, мается сколько народу.
Нихто ить не хочет кормить задарма.
Отправьте домой, воеводы! —

А те посчитали, во сколько казне
Аукнутся энти затраты:
Провоз, да прокорм и решили: – Ан нет!
На месте останутся каты.

Пущай позабудут своё ремесло,

Освоят помалу землю,
Поставят со временем тут село,
А лучше казачью станицу.

Вот так-то и сели тады резаки
Станицей, и люди вначале,
Прознав, што за новые там казаки,
Катовской ея величали.

В округе гутарили, коли казак
Приписан к станице Катовской,
Сие означает – он тать и варнак,
И род его дюже хреновский.

Потом постепенно лихие дела
Станичников первого круга
Степная метель навсегда замела,
Засыпала снежная вьюга.

За годом вослед устремляется год,
И катится лет колесница.
Со временем «Кат» заменилось на «Кот»
В названии энтой станицы.

Сто лет миновало, и вот уже там
Во славу казачьего рода
Котовцы поставили каменный храм,
Вернувшись домой из похода.

Ишо сотня лет пронеслась над Хопром,
Исчезла вдали без возврата.
И храм, возведённый народным добром**,
Разрушили новые каты.

Век нынешний, третий помчался в намёт,
И финиша близится лента.
Теперь не ведаю: «Кат» али «Кот»
Уместней в названии энтом.

Давай, соколёнок, взрослей поскорей
И помни о главной задаче,
Штоб не было катов в станице твоей,
Штоб род не пресёкся казачий.

*Рассказчик немного ошибся. Григорий Иванович Котовский – советский военный и политический деятель, легендарный комбриг Гражданской войны родился в селе Ганчешты (ныне город Хынчешты в Молдавии). Отец Котовского был обрусевшим православным поляком, мать – русской.

**Казачьи станицы Котовской, прославившиеся под руководством героя Бородине Грекова-Первого, вернувшись домой с войны, вспомнили былой неписанный закон предков, как по справедливости «дуванить» военную добычу. По этому закону, десятая часть всего взятого на шашку отдавалась церкви. Сколько котовцев ходило по заграницам, и сколько добра каждый вернувшийся привез во выюке своего второго

коня, сказать трудно, но первым капиталом для начала строительства каменной церкви послужила именно боевая «десятина». Вернувшиеся благодарили Бога за дарованную им удачу и сохраненную жизнь.

Ермак и уж

(по мотивам казачьей легенды)

Так от же игрец, растудить ты в качель!
Положь его в реку обратно!
А хошь, расскажу те, кужонок, откель
У ужика жёлтые пятна?

Послухай, с тех пор пролетели века,
А сколько? Не помню цифири.
Да ты, чай, читал про поход Ермака,
И про покоренье Сибири?

И чьё сразу имя приходит на ум?
А ну-тка, скажи без утайки.
Ну, точно, прохвессор, конечно, Кучум!
Всё вспомнить сумел без нагайки.

В заглавный татарский кучумовский стан,
Повдоль Иртыша-землероя*,
Замыслил направить войска атаман
Весеннею ранней порою.

Ой, дружно валили стволы казаки,
Так бают былинные сказы,
Кубыть для покора сибирской реки

Надёжные сделать баркасы.

Построили струги легки и быстры,
На зорьке ветрила багряны.
Уложены сабли, мечи, топоры...
Ждёт войско приказ атамана.

Выходит наутро на берег Ермак,
Качает баркасы низовка.
Вдруг видит, да что это? Так и растак!
Торчит из-под кия верёвка.

Схватил за верёвку, а тама – ужак.
Прикончить хотел было гада,
Уже размахнулся, вдруг слышит: – Казак,
Не бей меня оземь, не надо.

Тебе пригожуся я, слово даю,
Иначе лежать мне убиту.
Но ты обещай, что ужачью семью
Возьмёшь под казачью защиту. —

– Уймись, непоседа, не трогай клюку!
Что дале? А дале побачим!
Так вот, обратился ужак к Ермаку
На гуторе чистом казачьем.

– Кучум сговорился с каганом мышей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.